

И. Г. СТЕПУНИН
«МОЙ ДОБРЫЙ ОТЕЦ»

В сентябре 1824 г. лицейский товарищ Пушкина, известный поэт и редактор альманаха «Северные цветы» Антон Антонович Дельвиг собирался навестить своего друга, который находился в ссылке в селе Михайловском¹. Но Дельвигу пришлось отменить свое решение, так как к нему в начале 1825 г. в Петербург (Дельвиг служил тогда в должности библиотекаря петербургской публичной библиотеки) неожиданно приехал отец и настоятельно просил его приехать в Витебск. 20 марта 1825 г. Дельвиг пишет Пушкину из Витебска, что приедет в Михайловское в начале апреля и передает сердечный привет от отца².

Отец Дельвига, тоже Антон Антонович, упоминается Пушкиным в воспоминаниях «О Дельвиге». Он встречался много раз с великим поэтом в 1815—1816 гг. в Царском селе, когда приезжал навестить своего сына Антона³. А. А. Дельвиг принадлежал к старинному, совершенно оскудевшему эстляндскому баронскому роду, служил сначала плац-майором в Москве, затем полковником лейб-гвардейского Измайловского полка, получил звание генерал-майора, занимал должность бригадного генерала в Риге и Кременчуге, а после — начальника второго округа и отдельного корпуса внутренней стражи в Витебске⁴, где с 1824 по 1828 г. жил безвыездно со своей семьей. В июне 1828 г. после тяжелой болезни поехал в имение своей жены, находящееся в Черньском уезде Тульской губернии, где и умер 8 июля, «имея от роду 56 лет»⁵. В связи с этим его сын пишет Пушкину: «Хлопочи, хлопочи обо мне, брат Пушкин, и пожалей меня. Мой добрый отец умер». Пушкин горячо откликается на это письмо. Он просит свою влиятельную знакомую Елизавету Михайловну Хитрово (дочь М. И. Кутузова) помочь другу, который «ходатайствует о пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига»⁶.

Барон Дельвиг, витебский знакомый Пушкина, по свидетельству близко знавших его людей (сына Антона, невестки Софьи Матвеевны, урожденной Салтыковой), был любим всеми за доброту, справедливость, принципиальность. К своим служебным обязанностям относился с исключительной добросовестностью, «в продолжение сорокалетней армейской службы отличался точным исполнением возложенных на него поручений», был известен бескорыстием; кроме жалованья, никаких доходов не имел⁷.

В Центральном государственном историческом архиве Беларуси найдено пять дел об административной деятельности А. А. Дельвига в Витебске, которые дают яркое представление о его моральном облике.

В рапортах витебскому генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому А. А. Дельвиг резко выступает против помещичьего произвола в Витебской губернии. Помещики-крепостники, по его мнению, не считают крепостных людьми и распоряжаются их судьбой по своей прихоти.

В рапорте от 4 мая 1825 г. Дельвиг пишет, что «прошлого 1824 года в июне месяце невельским исправником Реутом на сенокосе пойман беглый военный ратник Иосиф Григорьев, по прозванию Прищеп, 70 лет от роду». Он был крепостным крестьянином помещика Невельского уезда Николая Шишки, сдан помещиком в солдаты в 50-летнем возрасте. Прищеп был назначен солдатом внутренней стражи, «на верность присягу принимал в

городе Полоцке, но по старости ни в какой полк не был причислен». Его отправляли в разные города (то в Брест-Литовский, то в Смоленск, то в город Дисну Могилевской губернии), «после он пришел в вотчину помещика Шишки, явился к господину своему». Помещик неожиданно оказал ему «милость». Крестьянин «не только 17 лет проживал, но был им, Шишкой, водворен на землю, был женат на крестьянке Семеновой, имел двух сыновей...» Помещик отпускал его на заработки в другие уезды, давал ему увольнение. Но помещицья «милость» продолжалась недолго. Однажды барский управляющий Иван Осипович приказал Прищепу, «чтоб он не был в вотчине, а куда хотел, чтоб шел, но он не знал, где бы для себя сыскать пристанище». И вот он прибыл в вотчину другого помещика, Жуковского, «у крестьянки Устиньи Михайловны нанялся косить сено, и на сенокосе взят невелиским земским исправником и доставлен в суд». Далее говорится, что «сей военный ратник содержался в невелиской градской тюрьме и терпел напрасное изнурение». Выяснилось, «что этого крестьянина не можно почитать дезертиром военным, ибо он в настоящую военную службу принят не был, а когда учинил отлучку, ему было более 50 лет».

Дельви́г подчеркивает, что в злключениях этого белорусского крестьянина виноваты были только помещик и его управляющий. Он настоятельно просит «дело о беглом ратнике Прищепе поручить нижнему земскому суду к исследованию», чтобы как можно быстрее освободить невинного крестьянина из-под стражи⁸.

Дельви́г также с глубоким возмущением говорит, что «барство дикое» кичится своим привилегированным положением, живет по принципу: «мне все дозволено», совершает всякие беззакония и насилия, ибо уверено в своей полной безнаказанности.

В рапорте витебскому генерал-губернатору Хованскому от 5 мая 1825 г. Дельви́г пишет, что ему было предоставлено прошение рядового солдата витебского гарнизонного батальона Якима Романовского, в котором говорится, что Романовский и братья его, дворянского происхождения, «остались после родителей своих малолетними, и в то время помещик Себежского уезда Антон Есьман отобрал у них дворянские документы на право владения имением и вместо своих крепостных крестьян отдал в воинскую службу». Дельви́г считает крайне необходимым немедленно учинить судебное следствие, чтобы выяснить, по какому праву Романовский и его братья лишены дворянских привилегий, «записаны как крестьяне за помещиком Есьманом и отданы им в военную службу», кто потворствует произволу Есьмана. «Судебное следствие,— пишет Дельви́г,— относится собственно до гражданской, а не военной части», но поскольку проситель Романовский «состоит в военной службе, то в открытии истины по жалобе и на основании законов должен быть при следствии военный чиновник, дабы рядовой Романовский не мог сомневаться в правосудии». По мнению Дельви́га, присутствие добросовестного военного чиновника необходимо потому, что наглый узурпатор Есьман может подкупить гражданский суд⁹.

Дело рядового Романовского продолжалось и после смерти Дельви́га. На запрос витебского гражданского губернатора А. И. Сорокунского, какое же решение принял суд, последовал ответ: «дело еще осталось в нерешении»¹⁰. Царские власти не разрешили военным чиновникам быть в роли третейских судей¹¹. Помещик же Есьман, напоминавший своим характером пушкинского Троекурова, был слишком весильным и пресечь его дикий произвол было невозможно.

Дельви́г также пытался навести порядок во вверенном ему гарнизоне, но, как видно из рапортов, не был поддержан губернатором.

4 мая 1825 г. Дельви́г пишет князю Хованскому, что из его команды «отряжены два жандарма, Филипп Велихов и Никита Бирюков, в помощь чиновнику особых поручений Авошникову, чтобы ловить беглых и беспаспортных разного звания людей, и эти жандармы и поныне ездят по разным губерниям». Дельви́г убедительно просит генерал-губернатора «приказать чиновнику Авошникову находящихся при нем двух жандармов возвратить в их команду». Он подчеркивает, что каждый солдат внутренней стражи должен находиться на своем месте и честно выполнять свои обязанности. Но генерал-губернатор не удовлетворил его просьбу¹².

В рапорте князю Хованскому от 27 апреля 1825 г. Дельви́г с возмущением пишет, что многие офицеры внутренней стражи не только не исполняют своих обязанностей — следить за порядком в городе, но и сами показывают дурной пример. Они вступают в преступные сношения с уголовниками, посаженными в тюрьму, допускают к арестантам «разного звания лю-

дей», некоторые офицеры даже берут взятки. Так, поручик Григорьев, хотя и задержал контрабандиста, который пытался переправить «три половинки тонкого сукна за реку Двину», но отпустил его, даже не поставив в известность свое начальство. «За таковой самовольный поступок,— пишет Дельви́г,— в пример другим он был наряжен бесменно в караул на гауптвахту на пятеро суток». В то же время Дельви́г предписал «подтвердить всем господам офицерам, что впредь за подобные самоуправства преданы будут военному суду»¹³.

Генерал-майор не только наводит порядок в витебском гарнизоне, но по делам службы совершает длительные поездки по многим уездам Витебской губернии. 20 сентября 1824 г., «следуя для инспектирования высочайше вверенного ему Белорусского тракта», он направлялся к городу Режице Динабургского уезда (ныне Резекне в Латвии), но на станции Каменец задержался довольно продолжительное время в ожидании лошадей. Каменецкий станционный смотритель, коллежский регистратор Вики́тий Дры́кшев (такой же чин имел и пушкинский герой Самсон Вырин), выдал последнюю тройку почтовых лошадей «по подорожной от округа воинского поселения Карла прусского полка штабс-капитану Анканову, который ехал в Динабург (ныне Даугавпилс) по казенной надобности в пехотный принца Вильгельма прусского полк 3-го батальона». Чтобы выпутаться из неловкого положения, смягчить гнев и умиловить «раздраженного постояльца», Дры́кшев «с найаккуратнейшей вежливостью» старался исполнить все его требования: «лошади были приведены издалека, где оные находились на пастбище», «запрягли четырех лошадей под экипаж и трех в тележку». И тем не менее станционный смотритель не угодил «знатному гостю», оказался без вины виноватым, потому что ехать пришлось в осеннее время по бездорожью, да еще ночью: «лошади плохо шли в темноте ночи, от изнурения едва могли везти коляску и несколько раз останавливались». Барон Дельви́г «приказал осторожно ехать, чтобы не опрокинуть коляски». В результате он не смог своевременно прибыть «для инспектирования высочайше вверенного ему округа». Поскольку генерал-майор всегда отличался пунктуальностью при исполнении своих служебных обязанностей, то был крайне возмущен «беспорядками» на Каменецкой почтовой станции. Главным же виновником этих «беспорядков», по его мнению, был смотритель Дры́кшев. Дельви́г, как и большинство проезжающих, резко отрицательно относился ко всем содержателям станций и не имел понятия об их каторжной службе, где не было покоя ни днем, ни ночью. Возмущенный тем, что была «сорвана его инспекционная поездка», он, действуя строго по инструкции, написал свою «претензию» сначала в жалобную книгу на станции, а затем — в динабургский уездный суд. Но заседатель этого суда Окулич в своем рапорте витебскому гражданскому губернатору Н. М. Клементьеву от 12 декабря 1824 г. написал, что «не представляется при сем случае со стороны почтосодержателя отступления от обязанности его по почтовой части». Окулич целиком и полностью оправдал Дры́кшева. Тогда Дельви́г, крайне обиженный тем, что его «жалоба признана несправедливой и не заслуживающей никакого внимания» и что его как бы обвинили во лжи («лгать же воспрещают мое звание и лета»), 12 января 1825 г. написал рапорт уже своему непосредственному начальнику — витебскому генерал-губернатору, князю Н. Н. Хованскому. Он жалуется на обидный для него поступок «каменецкого станционного смотрителя, который сначала отзывался с грубостью и не соответственными словами званию моему, что не имеется лошадей», а затем выдал «каких-то изморенных и негодных для езды лошадей, коих отнюдь не должен иметь и содержать на станции». Дельви́г также возмущается тем, что «заключение динабургского суда основано только на показаниях почтосодержателя и ямщика, и все это учинено к обиде моей чести». Далее генерал-майор пишет, что «не имел бы надобности простираť свою претензию понапрасну, если бы не почувствовал себя обязанным это сделать. Если почтосодержатель и ямщик больше имеют доверия, чем я по чину своему, то это приведет к тому, что почтосодержатель Дры́кшев более предпримет смелость на самовластие к притеснению проезжающих офицеров и других лиц».

Князь Хованский согласился с его доводами. Он тоже усмотрел в этой истории грубое нарушение субординации и дал приказ начальнику Дры́кшеву, действительному статскому советнику Андрею Буханному, немедленно пересмотреть дело, строго наказать виновного почтаря, совершившего «противозаконный, неприличный и дерзкий поступок», и «о последующем меня уведомить». Буханной же, чтобы выслужиться перед генерал-губерна-

тором, 27 марта 1825 г. постановил: «каменецкого почтосодержателя за учиненные проезжавшим остановки и за неисправность оштрафовать пятьюдесятью рублями, о чем для исполнения ныне же предписано Витебской губернской конторе»¹⁴. Над Дрыкшевым нависла угроза увольнения.

Вся эта судебная тяжба закончилась только 3 апреля 1825 г. А в середине апреля лицейский друг Пушкина после двухнедельного пребывания в гостях у отца в Витебске прибыл к опальному поэту в Михайловское¹⁵. История каменецкого станционного смотрителя, видимо, стала известна Пушкину. Начальные строки повести «Станционный смотритель» (1830) были в какой-то степени откликом на это судебное дело: «Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель».

О безотрадной жизни почтосодержателей Пушкин говорит также в «Записках молодого человека» (1829), в романе «Дубровский» (1832), в письме к жене Наталье Николаевне от 17 сентября 1833 г. Великий писатель-гуманист активно выступает в защиту «сущих мучеников четырнадцатого класса, огражденных своим чином токмо от побоев и то не всегда». Размышляя о трагической судьбе содержателей станций, Пушкин обличает несправедливый общественный строй царской России, в котором о людях судят только по чинам и рангам и где попирается честь и достоинство униженного, бесправного маленького человека.

¹ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 516.

² См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1937. Т. 13. С. 154.

³ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 136.

⁴ См.: Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицей: Материалы для словаря лиценстов 1-го курса 1813—1817 гг. СПб., 1911. Т. 2. С. 284.

⁵ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 226.

⁶ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 14. С. 23, 422.

⁷ См.: Верховский Ю. Барон Дельвиг: Материалы биографические и литературные. Пб., 1922. С. 36.

⁸ ЦГИА БССР. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 740, л. 1—9.

⁹ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 733, л. 1—10 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1430, оп. 1, ед. хр. 1465, л. 3.

¹¹ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 1831, л. 1.

¹² Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 734, л. 1—2.

¹³ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 751, л. 1—8.

¹⁴ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 554, л. 1—8 об.

¹⁵ См.: Цявловский М. А. Указ. соч. С. 520.

А. В. ГЕРЦИК

ЖАНР ЗАМЕТКИ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ Д. И. ПИСАРЕВА КАК КРИТИКА

Деятельность критика в журнале «Рассвет» — наименее исследованная область его творчества. По словам А. Н. Голубева, «66 статей и заметок Писарева до сих пор не входят ни в одно собрание его сочинений»¹. Ученый писал об этом в 1965 г., но с тех пор почти ничего не изменилось в отношении «рассветовских» публикаций.

Критическое наследие Д. И. Писарева этого периода отличается противоречивостью и непоследовательностью, оно вобрало в себя некоторые признаки идейной и литературной борьбы 1860-х гг. Его оценка в советском литературоведении тоже неоднозначна. Н. Ф. Бельчиков отмечал, что «в ранних своих статьях и рецензиях, напечатанных в 1859 г. в журнале «Рассвет» (изд. В. Кремпин), талантливый, но еще незрелый 19-летний Д. И. Писарев, не затронутый еще влиянием революционных идей Чернышевского и Добролюбова, высказал давно известные положения теории «искусства для искусства»... Непримируемый враг теории «чистого «искусства» в будущем, Писарев был тогда уверен в том, что задачи литературы далеки от обличительных целей»². В работах С. С. Конкина, Н. В. Демидовой³ творчество критика в журнале «Рассвет» также отделяется от его статей более поздней поры; говорится о перевороте, своеобразном «скачке» в развитии мировоззрения Писарева после перехода в «Русское слово». Однако еще Л. А. Плотов-